

Еще на дворе осень, но очень скоро закружатся в воздухе снежинки, и к нам придет зима, и будет она в Норвегии: где то снежная и морозная, где-то слякотная и промозглая, но она будет и вместе с ней к нам в дом придет Новый Год и Рождество. А мы хотим заранее поздравить наших читателей, поскольку следующая наша встреча состоится уже в новом 2006 году.

Согласно народному поверью, есть минуты, когда пожелания, высказанные вслух, исполняются. Это - первые минуты Нового года, когда мы смотрим в будущее с затаенными надеждами и желаниями. Пусть в Новом году разрешатся проблемы, мы обречем силы, избавимся от недугов. Так пусть же исполнятся все наши желания, произойдет все хорошее, вдохновляющее и прекрасное. Пусть будет счастливым наше будущее! С Новым годом, с новым счастьем!

Редколлегия

В ожидании Рождества

Предыстория моего появления в Норвегии достаточно прозаична. Моему бывшему мужу Павлу, химику по специальности, удалось получить стипендию при университете в Осло. Мне и трехлетней Иринке пришлось ждать визы долго, целых два года, а тем временем Павел навещал нас два раза в год и присылал нам деньги.

Когда же мы четыре года назад, наконец, приехали в Осло, то оказалось, что у Павла был роман с молодой стипендиаткой из Америки по имени Шарон. Так что не успели мы приехать и основаться в маленькой университетской квартирке, как Павел укатил вместе с Шарон в Штаты. Так я и осталась возле разбитого корыта, с временной визой. Мне удалось затянуть выселение из университетской квартиры и тем временем найти место привратницы. Жалованья мне за это не платили, и я работала за двухкомнатную квартиру, которая была не то чтобы в подвале, но с окнами на уровне асфальта. Сам дом был в богатом районе Фрогнер, красивый старинный дом с мозаичными окнами в подъездах и с лепной штукатуркой. Все остальные квартиры в нем были большие, не меньше четырех комнат, двенадцать квартир всего лишь. Ответственным за дом был любопытный и одинокий пенсионер по фамилии Йонсен. Он распоряжался ключами, лопатами и закупкой песка для посыпания скользкого зимнего асфальта.

А я еще устроилась преподавать фортепьяно в частной музыкальной школе, только это было десять часов в неделю всего лишь, потому что учеников там было мало. В школе

меня эксплуатировали и платили меньше, чем продавщице в магазине, но я была и тому рада. Теперь я знаю, что норвежка на моем месте пошла бы просить денег у государства, но я о социальном обеспечении ничего не знала, и это было к лучшему. Меня, точно, отправили бы в Россию, если бы власти узнали о том, что мой муж из Норвегии уехал. А возвращаться мне было некуда: перед отъездом мы с Иринкой жили у родителей Павла.

А время тогда было рождественское. С середины ноября город разукрасился гирляндами звездочек и розовых сердечек. В витринах, среди изобилия роскошных товаров, появились разнообразные тролли и Деда Морозы. Йонсен помог мне найти в подвале коробки с гирляндами цветных лампочек и превратить две ели, посаженные возле дома, в настоящие новогодние елки. А в почтовый ящик так и сыпалась реклама всего, что можно подарить на Рождество, белья, игрушек и лыж. Но дарить мне, кроме Иринки, было некому, да и не за что. Ее детский сад и так «съедал» детское пособие плюс половину моей скромной зарплаты.

Потом, уже в декабре, жильцы начали приносить домой елки, а я подметала на лестнице хвою и обломавшиеся ветки. Сама елку я решила не покупать, потому что тогда пришлось бы покупать еще и елочные игрушки, а Иринка была все равно еще маленькая и ничего не понимала.

Как я завидовала тогда всем, и жильцам, и прохожим! Только увижу молодую, красивую женщину и сразу думаю, что фигура у меня уже не та. «Ты так опустилась, что мужику тебя любить вообще невозможно», — сказал Павел, уезжая. Это было, конечно, подло с его стороны: он меня и так бросать собирался, мог бы хоть гадостей на прощанье не говорить. А он еще и насчет моей неудавшейся музыкальной карьеры

прошелся.

Однажды, помню, выпал снег, и я сгребала его во дворе большой лопатой, а Иринка ковырялась в снегу своей маленькой. Мимо нас прокатили к гаражу Кристина и Ярл на своем зеленом БМВ. Оба они были юристами, молодыми и подтянутыми. Когда они с лыжами и рюкзаками прошли мимо, Кристина показала мне небрежным кивком, что заметила мое присутствие. А Ярл в мою сторону даже не посмотрел. Потом прошла сорокалетняя Лизе Грегерсен, одетая в темно-синее классическое пальто, с пакетами полными рождественских подарков, обернутых в золотистую бумагу. Я была уверена, что даже перчатки у Лизе были какие-нибудь особенные, и что она их долго искала. По-русски ее имя было бы «Лиза», но норвежские имена часто заканчиваются на «е». Она поздоровалась со мной односложным «хей», а я ответила на ее приветствие словами «добрый вечер». В присутствии элегантной Лизе я немного стыдилась рабочего комбинезона и больших дворничихих варежек. Потом появился старичок Йонсен, остановился и спросил, как были мои дела. Ему я ответила, что уже закончила убирать снег со стороны улицы.

В первые месяцы моего пребывания в доме я бывала в квартире только у него, и только по делам. Йонсен жил один в четырехкомнатной квартире, где все стены были завешены картинами, как в музее. И мебель у него была старинная, дорогая. Заметив мой любопытный взгляд, он показал мне самую ценную картину, настоящего итальянского мастера 17 го века. И рояль у него был, а сам он на рояле не играл. А мне бы хоть какое-нибудь разбитое пианино! По выходным мне разрешали играть в опустевшей музыкальной школе.

Мне тогда очень хотелось с кем-нибудь поговорить, например, хоть с этой госпожой Грегерсен. Из всех жильцов дома один только Йонсен знал, что я некогда закончила консерваторию. Другие не знали потому, что никогда меня ни о чем не спрашивали. Некоторые, вроде мужа Лизе Грегерсен, со мной вообще не здоровались. Но если о том подумать, то ничего особенного в их поведении не было. Кто из жильцов элитного дома в Москве, например, стал бы разговаривать с дворничихой? Дворничиха — это никто.

Из квартиры Кристины и Ярла доносились бойкие современные мелодии, а из других квартир было слышно только бормотание телевизоров или совсем ничего. В доме было вообще спокойно, и детей, кроме моей Иринки, не было. Одна Лизе Грегерсен иногда играла на фортепьяно, и я невольно останавливалась на лестнице, слыша неловкие, спотыкающиеся удары клавиш. Мне хотелось показать ей, как правильно играть и поговорить о музыке, но она проходила мимо меня, замкнутая и подтянутая. В ее присутствии я, несостоявшаяся пианистка, дворничиха и мать-одиночка, чувствовала себя неудачницей. Моя ступеньки, я обнаружила, что все квартиры имели свои запахи, сочившееся на лестницу даже через закрытые двери. У старика Йонсена пахло благородной древесиной и одиночеством, а у Лизе пахло чистотой и достатком.

Так вот, за день до Рождества городская жизнь начала затихать. Ярл с Кристиной уехали навестить ее родителей, Йонсен поехал к своей дочери. В потемневших квартирах светились одинокие елки и рождественские звезды. Только в трех-четырёх квартирах все еще был свет. И вдруг Лизе Грегерсен стучится ко мне, а лицо у нее совершенно потерянное. «Вы не можете помочь с елкой? — говорит она. — Представляете, она упала! За день до Рождества!» По выражению ее

лица я видела, что надо было немедленно пойти и посмотреть, что случилось. Я высыпала на пол из коробки все леги, какое у нас только было, и велела маленькой Иринке играть спокойно, а сама пошла наверх, к Лизе.

Мебель у Грегерсен была уважаемая и уютная, сочетание светлого ореха и голубой ткани. Были картины на стенах, но не так много, как у Йонсена. Посреди этой красивой гостиной лежала сломившаяся возле основания нарядная елка. «Как можно продавать такие дефектные деревья! Все Рождество так испортят!» — сказала Лизе с настоящим отчаянием в голосе. Оказалось, она пыталась поправить елку, чтобы та стояла прямой, а елка возьми да и сломайся. Лизе хотела поставить ее обратно, но ей не удалось выковырять из подставки оставшийся там обломок ствола, а мужа не было дома. Тогда я принесла из подвала коробку с инструментами и попыталась вытащить обломок ствола плоскогубцами, но это не получалось. Тогда я взяла сверло, кусок за куском разрушила древесину и выковыряла ее отверткой. Потом я поставила елку в подставку и подмела стекло, которое осталось от разбитых елочных игрушек. Я собрала инструменты и стояла уже в дверях, когда Лизе решила быть вежливой и спросила меня, не хотела ли я кофе. Интонация у нее была не сердечная, а точно она спрашивала по чувству долга, и мне полагалось бы ответить «нет, спасибо». Я даже подумала о моей Иринке, сидевшей одной с игрушками, но меня так давно не приглашали и не поили кофе. Мне захотелось остаться, несмотря ни на что.

— Вам придется тогда подождать, — сказала Лизе, — я сейчас сварю, и тон голоса у нее был такой, точно она себя утруждала. Я могла бы еще отказаться, но я этого не сделала, и Лизе пошла на кухню.

— Я слышала, Вы играете на фортепьяно, — сказала я, когда она вернулась в гостиную. — Я тоже люблю Шопена. Я, между прочим, закончила консерваторию.

— А я брала частные уроки, — ответила Лизе. Слово «консерватория», казалось, не произвело на нее никакого впечатления. Она, наверное, даже не знала, что это было такое. — Я училась четыре года.

— А я — тринадцать лет.

— Так долго! Где, в Москве?

— Нет, в Ростове-на-Дону.

— Это где?

— На юге России. Хотите, сыграю? — предложила я и села за фортепьяно. Я подумала, что Прокофьев покажется Лизе слишком сложным, и выбрала бетховенское «К Элизе». Расчет оказался верным.

— Я эту вещь тоже умею играть, — сказала Лизе и глаза у нее стали сентиментальными. Она вспомнила о кофе и вернулась с подносом, на котором стояло еще и печенье.

— Это традиционная норвежская рождественская выпечка, — гордо сказала она. Печенья были и в самом деле хорошие, коричневые и тоненькие, с орешками.

— Прекрасные печенья, — сказала я. Мне хотелось сыграть что-нибудь еще, но это было бы невежливым. Тут я посмотрела на часы и опять вспомнила про Иринку.

— Спасибо за угощение, — сказала я, — мне пора домой, к дочке.

— А у меня нет детей, — ответила вдруг госпожа Грегерсен, и на минутку я заметила в ее взгляде настоящую тоску. Я не знала, что на это сказать, и вместо ответа поблагодарила еще раз за кофе и за печенье.

Когда я спускалась к себе, в полуподвальную квартиру, я вдруг поняла, что я больше Лизе Грегерсен уже не завидовала.

*Ирина Шестопал
Осло*